

УДК 81'23

ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДВУЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ СТУДЕНТА-ФИЛОЛОГА¹

Тамара Ивановна Доценко

к. филол. н., доцент кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская 24. tamaradotsenko@bk.ru

Юлия Ефимовна Лещенко

к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская 24. naps536@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о том, каким образом становление профессиональной двуязычной компетенции влияет на взаимодействие языков в ментальном лексиконе индивида. Исследование проводилось на материале взрослых естественных билингвов, получающих профессиональное лингвистическое образование на коми-пермяцком отделении филологического факультета по двуязычной специальности «учитель коми-пермяцкого и русского языков». Результаты исследования продемонстрировали, что в ходе становления профессиональной лингвистической компетенции в ментальном лексиконе билингвов наблюдаются изменения, затрагивающие соотношение русского и коми-пермяцкого языков, а также степень их функциональной активности.

Ключевые слова: профессиональная компетенция; естественное двуязычие; коми-пермяцкий язык; взаимодействие языков.

Под профессиональной компетенцией понимается сложное интегративное образование, включающее в себя определенный набор знаний, умений, навыков и личностных качеств, необходимых для эффективного выполнения конкретной профессиональной деятельности [Балыхина 2000; Холодная 2002; Равен 2002; Ромашина 2002]. В качестве базовых составляющих профессиональной компетенции студента-филолога выделяются психологическая, педагогическая, лингвистическая (языковая и речевая), методическая (лингводидактическая), коммуникативная компетенции. Определяющее значение для формирования профессиональной компетенции студента-филолога имеет лингвистическая компетенция. Эта компетенция основана прежде всего на развитии языкового сознания индивида и представляет собой комплекс лингвистических знаний о системе языка и умений оперировать этими знаниями в профессионально-педагогической и научно-исследовательской деятельности [Ахмадуллина 2007; Сокольницкая 2012]. Традиционно в состав профессиональной лингвистической компетенции студента-филолога включают следующие компоненты: владение

основными произносительными и лексическими нормами литературного языка; владение основными грамматическими категориями и их форм; умение конструировать синтаксические структуры в соответствии с нормами литературного языка; умение эффективно использовать все разнообразие стилистических средств языка; способность к анализу и оценке различных языковых явлений и фактов и т. д.

Авторы большинства современных исследований профессиональной лингвистической компетенции студента-филолога рассматривают две ее разновидности: одноязычную компетенцию, формируемую в ходе приобретения профессии «учитель родного языка и литературы» и двуязычную компетенцию, формируемую на основе так называемого «учебного» билингвизма в ходе приобретения профессии «учитель родного и иностранного языков» (см., например: [Витошко 2007; Иванова 2003; Илюхина, Голубков 2012; Ломакина 1998; Тимохина 2015] и мн. др.).

В данной работе рассматривается профессиональная лингвистическая компетенция иного типа: двуязычная компетенция, основанная на ситуации естественного билингвизма (одновремен-

ное спонтанное усвоение двух языков в естественной среде), формируемая в ходе получения высшего образования по специальности «учитель двух родных языков». Подобная специальность оказывается востребованной во многих регионах РФ, на территории которых существует языковая ситуация так называемого «национально-русского» билингвизма естественного типа: сочетания этнического языка (татарского, мордовского, чувашского и т. д.) и русского, имеющего статус официального государственного языка.

Одним из таких регионов является Коми-пермяцкий округ, расположенный на северо-западе Пермского края. Коми-пермяки – финно-угорский народ; по данным всероссийской переписи население Коми-пермяцкого округа составляет 80 300 чел. [Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю: электр. ресурс]. И коми-пермяцкий, и русский язык активно используются на территории округа; коми-пермяцкий язык зачастую является основным средством неофициального внутрисемейного и общебытового общения, тогда как русский выступает в качестве основного языка официальной коммуникации.

Во многих случаях оба языка (и коми-пермяцкий, и русский) усваиваются в раннем детстве, зачастую параллельно, в условиях естественного языкового окружения, что позволяет отнести билингвизм коми-пермяков к естественному типу. И коми-пермяцкий, и русский язык активно используются в ситуации школьного обучения: преподавание в начальной школе осуществляется с привлечением обоих языков; в средней/старшей школе большая часть предметов преподается на русском языке, в то время как коми-пермяцкий язык изучается как специальный предмет. Коми-пермяки, желающие получить высшее образование по двуязычной специальности «учитель коми-пермяцкого и русского языков», обучаются на коми-пермяцком отделении филологического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Согласно учебной программе, предметы, преподаваемые на коми-пермяцком и русском языках, распределяются приблизительно равномерно в течение всего периода обучения (5 лет). Все дисциплины, имеющие отношение к финно-угроведению, коми-пермяцкому языку, коми-пермяцкой литературе и фольклору (Коми-пермяцкий язык, История коми-пермяцкого языка, Древнепермский язык, Основы грамматики коми-пермяцкого языка, Коми-пермяцкая литература, Новинки коми-пермяцкой литературы, История коми-пермяцкой литературы, Методика преподавания коми-пермяцкого языка и т. п.),

преподают на коми-пермяцком языке: Дисциплины, относящиеся к русскому языку: Русской литературе и фольклору (Современный русский язык, Проблемные вопросы современного русского языка, История русской литературы, Детская литература), а также общие лингвистические дисциплины (Введение в языкознание», Стилистика, Общее языкознание, Филологический анализ текста, Теория и практика лексикографического описания языков и т. п.) и дисциплины общеобразовательного цикла (История России, Философия, Педагогика, Психология и т. п.) преподаются на русском языке. Таким образом, с одной стороны, ситуация формирования лингвистической профессиональной компетенции студентов коми-пермяцкого отделения характеризуется приблизительно сбалансированной частотой использования двух языков; с другой стороны – в учебной ситуации вузовского филологического образования в целом наблюдается перевес в сторону использования русского языка.

Поскольку становление профессиональной лингвистической компетенции коми-пермяков сопровождается регулярным попеременным использованием двух языков, логично предположить, что на протяжении всего периода обучения оба языка находятся в состоянии тесного контакта и активно взаимодействуют в ментальном лексиконе. В то же время, последовательное увеличение периода обучения и, как следствие, повышение уровня владения каждым из языков могут приводить к определенным изменениям этих взаимодействий. В данной статье делается попытка ответить на вопрос о том, какое влияние оказывает становление профессиональной лингвистической компетенции на межъязыковые взаимодействия в ментальном лексиконе.

В качестве метода исследования применялись методы анкетирования и свободного ассоциативного эксперимента. При обработке экспериментальных данных использовались количественные методы анализа: были рассмотрены такие параметры, как динамика частоты использования коми-пермяцкого и русского языков, активности межъязыковых взаимодействий и их типов на фоне становления профессиональной компетенции в течение 5 лет.

В исследовании приняли участие 68 студентов коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета: 35 человек – студенты 1–2 курса (начальный этап формирования профессиональной компетенции) и 33 человека – студенты 4–5 курсов (заключительный этап формирования профессиональной компетенции).

Анкетирование было проведено со всеми информантами в целях уточнения условий усвоения коми-пермяцкого и русского языков информантами, частоты использования информантами языков в повседневной коммуникации, т. е. статуса коми-пермяцкого и русского языков в их индивидуальных языковых системах. Информантам было предложено ответить на следующие вопросы.

1. Какой язык является родным для Вас и для каждого из Ваших родителей?
2. На каком языке Вы говорите дома с каждым из родителей?
3. С какого возраста Вы начали говорить на: а) коми-пермяцком языке; б) русском языке?
4. На каком языке Вы говорили в детском саду?
5. С какого класса школы Вы изучали: а) коми-пермяцкий язык; б) русский язык?
6. Какой язык Вы используете наиболее часто и в каких ситуациях?
7. Какую речь Вы слышите чаще: русскую или коми-пермяцкую?

Как показали результаты анкетирования, 70% наших информантов с раннего детства одновременно усваивали два языка. У 30% информантов усвоение языков было последовательным: 26% начиная с раннего детства и до трех-четырёх лет осваивали коми-пермяцкий язык (родной язык 1), а в среднем и старшем дошкольном возрасте (4–6 лет) – русский язык (родной язык 2); только 4% информантов начали целенаправленно изучать русский язык с 7 лет в начальной школе. Таким образом, 96% наших информантов оказались естественными билингвами, усвоившими оба языка в дошкольном возрасте в условиях естественной коммуникации. Именно эти информанты принимали участие в следующем этапе исследования.

На первом этапе исследования выявленная по данным анкетирования частота использования русского и коми-пермяцкого языков была соотнесена с разными этапами становления профессиональной лингвистической компетенции наших информантов (см. табл.).

Частота использования коми-пермяцкого и русского языков на разных этапах становления профессиональной лингвистической компетенции, %

	Начальный этап	Заключительный этап
Коми-пермяцкий	33	43
Русский	46	22
Оба языка	21	35

Как показывают данные таблицы, в ходе становления профессиональной компетенции частота использования билингвами родного языка 1 (коми-пермяцкого) и родного языка 2 (русского) претерпевает определенные изменения.

На начальном этапе становления профессиональной компетенции практически половина испытуемых (46%) определяют русский язык как основной язык речевой коммуникации. Подобное доминирование русского языка определяется, очевидно, тем, что в связи с поступлением в вуз и переездом в г. Пермь студенты попадают в полностью русскоязычную среду. Следовательно, вне учебной ситуации они вынуждены активно использовать русский язык в повседневном бытовом общении: в магазине, транспорте, общении и т. д. На этом этапе Коми-пермяцкий язык определяется как наиболее часто используемый лишь третью наших испытуемых (33%), при этом основными сферами его употребления являются сфера внутрисемейного общения, общения в кругу друзей и в пределах своей учебной группы, а также на уроках коми-пермяцкого языка.

Несмотря на то что в ходе анкетирования предложенный испытуемым вопрос однозначно подразумевал выбор только одного наиболее ча-

сто используемого языка, около одной пятой испытуемых (21%) указали коми-пермяцкий и русский языки как используемые одинаково часто. Это говорит о том, что уже на начальном этапе становления профессиональной лингвистической компетенции оба языка активно конкурируют между собой и находятся в состоянии тесного контакта.

На заключительном этапе становления профессиональной лингвистической компетенции, хотя общий период проживания испытуемых в русскоязычной среде за это время увеличивается более чем вдвое и, следовательно, совокупный опыт использования русского языка начинает существенно преобладать над опытом использования коми-пермяцкого языка, частота использования русского языка резко снижается (более чем в два раза – до 26%). Соответственно, наблюдается увеличение частоты использования коми-пермяцкого языка (до 43%); вместе с этим увеличивается и частота одновременного использования обоих языков (до 35%).

Подобная тенденция может объясняться одновременно двумя причинами. Во-первых, становление профессиональной лингвистической компетенции испытуемых по отношению к коми-пермяцкому языку подразумевает в числе проче-

го активное формирование национального самосознания, осознания своей этнической и культурной принадлежности, что приводит к повышению статуса родного языка 1, изменению эмоционально-оценочного отношения к нему в положительную сторону и, как следствие, более активному его использованию в коммуникации. Во-вторых, одновременное профессионально-ориентированное изучение двух языков в условиях высшего образования подразумевает тщательный анализ и активное сопоставление разнообразных фактов и явлений, характеризующих две языковые системы с точки зрения их дифференцирующих и общих черт. Это неизбежно приводит к формированию постоянной привычки обращаться попеременно к обеим языковым системам и активно использовать сразу два языка в разных видах коммуникации [Доценко, Лещенко, Остапенко 2013].

Свободный ассоциативный эксперимент был проведен с информантами, которые по результатам анкетирования оказались естественными билингвами, спонтанно усвоившими оба языка. В ходе эксперимента испытуемым был предложен список стимулов из 54 высокочастотных слов. Эксперимент проводился в два этапа: на первом этапе информантам предъявлялся стимульный список на коми-пермяцком языке, на втором этапе – список слов (семантических эквивалентов) на русском языке.

Коми-пермяцкие стимулы: *ерт, думайтны, морт, мунны, ыджыт, ним, нывкаок, пора, кывзыны, гожум, удж, тӧдны, уналӧ тӧдса, погоддя, вовлыны, кокнита, асыв, югыт, баитны, кывчукӧр, зоночка, чожа, мыччалӧм, чайтны, сайын, небӧг, керны, сетавны, керку, велӧтчины, ӧтӧр, пондӧтны, инька, вежӧртны, дыддӧтны, виль, серникузя, любитны, рыт, велотись, учӧтник, босытны, листбок, бур, кыв, лун, имейтны.*

Русские стимулы: *друг, думать, картина, обычно, человек, идти, большой, имя, девочка, время, слушать, лето, знать, работа, знаменитый, погода, приходить, легко, утро, мир, говорить, словарь, мальчик, быстро, пример, положить, через, книга, делать, день, давать, дом, учиться, улица, начинать, женщина, понимать, читать, новый, предложение, любить, вечер, учитель, маленький, брат, страница, хороший, семья, студент, бумага, брат, язык, слово, иметь.*

Информантам было предложено ответить на каждый стимул первым словом, пришедшим в голову; языковой код ответа в экспериментальном задании никак не оговаривался. Эксперимент проводился в письменной форме. Временной промежуток между коми-пермяцким и русским экспериментами составил около двух недель.

В результате 8 экспериментальных ситуаций (по 2 ситуации для студентов 1, 2, 4 и 5 курсов) было получено более 6 тыс. реакций на разных языках.

Единицей анализа материалов свободного ассоциативного является ассоциативно-вербальная пара – слово-стимул и полученная на него вербальная реакция ($S \rightarrow R$). Все пары $S \rightarrow R$, полученные в результате эксперимента, были подразделены на две группы: внутриязыковые (S и R выражены средствами одного языка) и межъязыковые (S и R выражены средствами разных языков). Появление в экспериментальном бланке межъязыковой пары $S \rightarrow R$ свидетельствует об осуществлении информантом межъязыкового перехода; анализ частоты, направления и типов межъязыковых переходов, наблюдаемых на разных этапах становления профессиональной лингвистической компетенции, позволяет выявить общую динамику межъязыковых взаимодействий у наших информантов (см. рис. 1).

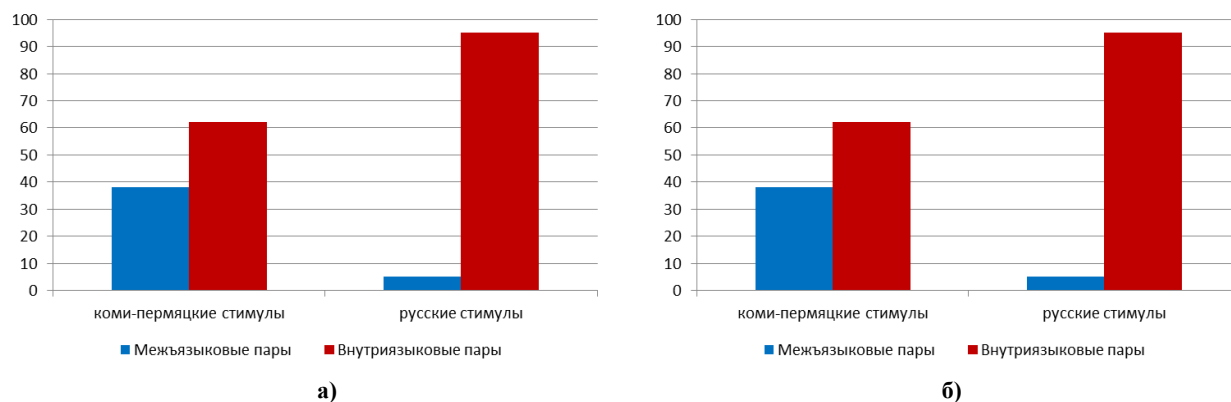

Рис. 1. Количество внутриязыковых и межъязыковых ассоциативно-вербальных пар на разных этапах становления профессиональной лингвистической компетенции: а) начальный этап; б) заключительный этап

Как показывает рис. 1, на начальном этапе становления профессиональной лингвистической компетенции информанты активируют преимущественно внутриязыковые связи коми-пермяцких и русских стимулов: *бур* 'хороший' → *удж* 'работа'; *асыв* 'утро' → *кӧдззыт* 'холодный'; *босӧтны* 'брат' → *сӧян* 'пища, еда'; *слово* → *о полку Игореве*; *приходить* → *вовремя*; *большой* → *праздник*. При этом количество внутриязыковых реакций особенно велико в ситуации ассоциирования русскоязычных стимулов (95%) по сравнению со стимулами коми-пермяцкого языка (62%). По всей видимости, преобладание внутриязыковых реакций на начальном этапе обучения свидетельствует о том, что при обработке слова информанты предпочитают оставаться в пределах одного языкового кода, т. е. разные языковые системы не находятся в ситуации активного контакта в их ментальном лексиконе.

Такая закономерность коррелирует с анкетными данными, свидетельствующими о более высокой частоте использования русского языка на начальном этапе становления профессиональной лингвистической компетенции информантов: функционально более активный язык (русский) доминирует над менее активным (коми-пермяцким) языком. Это проявляется в том, что межъязыковые взаимодействия имеют ярко выраженный однонаправленный характер: осуществляются в направлении от коми-пермяцкого языка к русскому языку, но практически не представлены в обратном направлении. Следовательно, функционально более активный язык притягивает к себе единицы менее активного языка, достаточно жестко фиксируя направление межъязыковых взаимодействий в свою сторону.

На заключительном этапе становления профессиональной лингвистической компетенции наблюдается некоторый спад в числе внутриязыковых реакций и, соответственно, увеличение количества межъязыковых ассоциативно-вербальных пар: стимулы коми-пермяцкого языка вызывают 47% реакций на русском языке (на начальном этапе количество таких реакций равнялось 38%), а стимулы русского языка вызывают 18% реакций на коми-пермяцком языке (на начальном этапе их число составляло 5%). Поскольку коми-пермяцкие стимулы активируют механизм межъязыковых взаимодействий значительно чаще, чем русские, можно предположить, что границы системы коми-пермяцкого языка в ментальном лексиконе наших информантов оказываются гораздо более проницаемыми/неустойчивыми.

В то же время, хотя русский язык и продолжает занимать доминантную позицию в мен-

тальном лексиконе информантов, постепенно включается в работу механизм межъязыковых взаимодействий, которые в результате приобретают двунаправленный характер – осуществляются как в направлении от коми-пермяцкого языка к русскому, так и в обратном направлении – от русского языка к коми-пермяцкому [Доценко, Лещенко, Остапенко 2015].

Рассмотрим типологические свойства межъязыковых ассоциативно-вербальных пар, выявленных в исследовании. Все межъязыковые пары подразделились на пары, представленные реакциями переводного типа, и пары, представленные реакциями непереводного типа.

В основе межъязыковых реакций переводного типа лежит установление ассоциативной связи между словами – семантическими эквивалентами двух языков (так называемые межъязыковые синонимы): *удж* → *работа*; *виль* → *новый*; *тӧдны* → *знать*; *нывкаок* → *девочка*; *мунны* → *идти*; *велотись* → *учитель*; *бур* → *хороший* и т. д. Мы полагаем, что актуализация межъязыковых связей переводного типа свидетельствует о сближении единиц разных языковых систем в двуязычном ментальном лексиконе на основе сопоставления их лексических значений с общим референтом. Такое сопоставление является основой для формирования навыка перевода, который подразумевает полный переход с одной языковой системы на другую и осуществляется в целях последовательной передачи смысла, выраженного средствами одного языка, средствами другого языка. Судя по всему, обе языковые системы при этом осознаются билингвом как относительно независимые друг от друга, изоморфные образования.

Что касается межъязыковых реакций непереводного типа, то они основаны на установлении синтагматических, парадигматических и тематических связей между словами двух языков.

На синтагматической оси межъязыковые связи актуализируют потенциальную лексическую сочетаемость двух отдельно взятых слов разных языков, основаны на линейном развертывании стимула и образуются на основе смежности их контекстного окружения: *инька* 'женщина' → *работает*; *керны* 'делать' → *работу*; *иметны* 'иметь' → *друзей*; *бур* 'хорошая' → *семья*; *виль* 'новое' → *платье*; *пондӧтны* 'начинать' → *дело, урок*; *кывзыны* 'слушать' → *песня*; *мунны* 'идти' → *далеко* и т. д.

Реакции парадигматического типа отражают системные отношения между словами и продуцируются на основе знания семантического сходства – противопоставления слов двух языков, а также их способности замещать друг друга

в некотором контексте. В отличие от реакций переводного типа, которые свидетельствуют о сближении единиц двух языков на основе установления тождества их словарных значений, непереводные реакции парадигматического типа являются результатом фокусирования внимания информантов на множестве учебных текстов/контекстов, в которых функционирует слово. В этом случае область референции слова не является четкой и может естественно расширяться или сужаться, в результате чего слово приобретает множество связей, варьирующих в широких пределах на оси «сходство – различие» и формирующих в языковом сознании целый набор межъязыковых синонимов/антонимов, а также так называемых «психологических симиларов и оппозитивов»: *ыджыт* ‘большой’ → *маленький*; *сетааны* ‘давать’ → *братъ*; *пандо́тны* ‘начинать’ → *закончить*; *братъ* → *сетааны* ‘давать’; *маленький* → *ыджыт* ‘большой’.

Что касается тематических реакций, то они являются результатом актуализации глубинных внелингвистических смысловых ассоциаций, которые «отсылают» индивида ко всей совокупности соотносимых со словом представлений, образов, ощущений, коннотаций, репрезентируя отношения слова не столько с другими вербальными единицами в системе языка, сколько с коммуникативной ситуацией и ее пространственно-временными координатами [Гак 1973]. Связи данного типа моделируют определенный фрагмент действительности и тем самым задают референтное пространство слова. В отличие от парадигматических (соб-

ственно языковых) связей, отражающих автоматизированные операции языкового мышления, связи тематического (экстралингвистического) типа репрезентируют частотные ситуативные, объектные и другие предметные «нелогические» связи [Овчинникова 2002]: *асыв* ‘утро’ → *будильник*; *велотісь* ‘учитель’ → *знания*; *керны* ‘делать’ → *руки*; *рыт* ‘вечер’ → *телевизор*; *работа* → *морт* ‘человек’; *работа* → *асыв* ‘утро’; *погода* → *гожум* ‘лето’.

В целом межъязыковые связи непереводного типа свидетельствуют о сближении единиц разных языковых систем на основе сопоставления их синтаксических, системных/категориальных, ситуативно-когнитивных характеристик. Такое сближение является основой для формирования навыков кодовых переключений в речи двуязычного индивида: свободных двусторонних переходов от одного языка к другому и обратно, осуществляемых в рамках единой коммуникативной ситуации и представляющих собой передачу смысла попеременно средствами двух языков. Мы считаем, что такие переключения свидетельствуют о своеобразном «смешении» в сознании билингва двух языковых систем, результатом которого является обширное наложение, перенос и уподобление свойств единиц разных языков друг другу. Исходя из этого, можно предположить, что в ментальном лексиконе коми-пермяцко-русских билингвов активируется смешанная подсистема, единицы которой способны свободно функционировать в контекстном окружении слов другого языка, не осознавая при этом как чужеродные элементы высказывания.

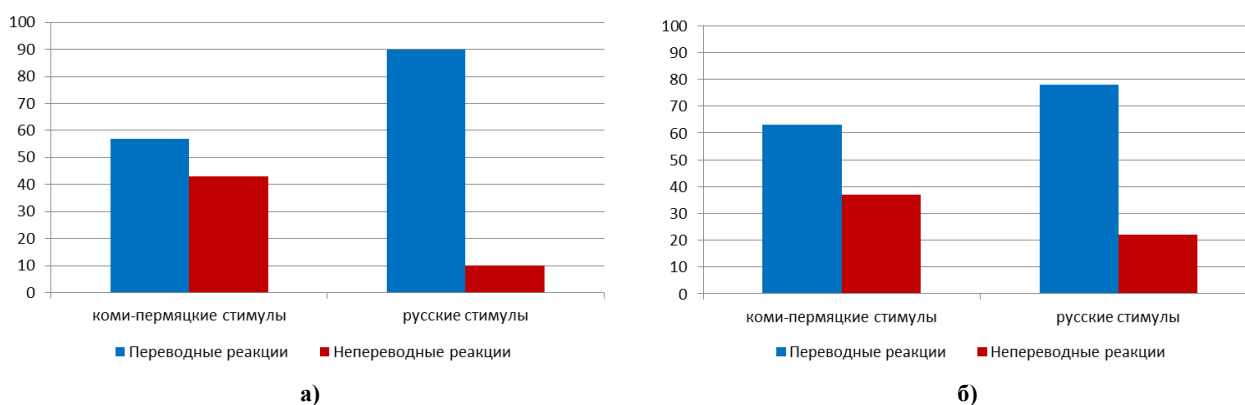

Рис. 2. Количество переводных и непереводных реакций на разных этапах становления профессиональной лингвистической компетенции: а) начальный этап; б) заключительный этап

Рис. 2, на котором представлено соотношение межъязыковых взаимодействий переводного и непереводного типов на разных этапах формирования профессиональной лингвистической ком-

петенции, показывает, что на обоих этапах становления компетенции количество переводных межъязыковых реакций стабильно преобладает над непереводными. При этом реакции перевод-

ного типа в большей степени характерны для русских стимулов (90% на начальном этапе и 70% на заключительном этапе), чем для коми-пермяцких (57% на начальном этапе и 63% на заключительном этапе). Полученные результаты указывают на то, что навык перевода с русского языка на коми-пермяцкий у наших информантов имеет более высокую степень автоматизма по сравнению с навыком перевода с коми-пермяцкого языка на русский.

Количество непереводаемых реакций на коми-пермяцкие стимулы с увеличением периода обучения их несколько снижается (на 5%), а на русские стимулы, наоборот, увеличивается (на 12%). По всей видимости, русский язык начинает утрачивать свою обособленную позицию в ментальном лексиконе коми-пермяков и «открывает» свои границы для более активного взаимодействия с коми-пермяцким языком. Данный процесс не ограничивается установлением однозначных смысловых соответствий русских слов с коми-пермяцкими (тождественных переводов): русские слова начинают интенсивно встраиваться в ассоциативный контекст коми-пермяцкого языка.

В то же время следует отметить, что на заключительном этапе становления профессиональной лингвистической компетенции наблюдается относительное выравнивание общего соотношения долей переводных реакций (63% и 78%) и непереводаемых реакций (37% и 22%), продуцируемых на стимулы коми-пермяцкого и русского языков; при этом межъязыковые взаимодействия начинают осуществляться одновременно в двух направлениях: «коми-пермяцкий язык → русский язык» и «русский язык → коми-пермяцкий язык». Мы склонны объяснять такую тенденцию тем, что к концу периода обучения оба языка в ментальном лексиконе коми-пермяцко-русских билингвов начинают уравниваться друг друга и обоюдно влиять друг на друга.

Таким образом, результаты нашего исследования показали, что становление профессиональной лингвистической компетенции коми-пермяцко-русских билингвов влечет за собой определенные изменения активности, направлений и типов взаимодействия этих языков в ментальном лексиконе.

На протяжении всего периода обучения в вузе двуязычные студенты демонстрируют тенденцию к более частому использованию одновременно двух языков в рамках учебной и повседневной коммуникации, что свидетельствует об активной конкуренции языковых систем и их тесном контакте в ментальном лексиконе. Такая закономерность объясняется, с одной стороны,

активным формированием этнического самосознания коми-пермяцко-русских билингвов и, следовательно, повышением статуса коми-пермяцкого языка, а с другой – интенсивным фокусированием внимания на сопоставлении двух языковых систем. Обе системы при этом начинают функционировать как полноправные средства коммуникации, способные заменять друг друга не только в бытовой ситуации, но и во многих других, включая учебную и научную сферу общения.

Кроме того, становление профессиональной лингвистической компетенции одновременно по отношению к двум языкам влечет за собой активацию процесса межъязыковых взаимодействий, которая проявляется в увеличении количества переходов между единицами разных языков, осуществляемых по различным основаниям. Несмотря на то что в целом преобладают межъязыковые взаимодействия, направленные от коми-пермяцкого языка к русскому, с увеличением периода обучения наблюдается интенсивное формирование новых «межъязыковых маршрутов»: от русского языка к коми-пермяцкому.

Взаимодействие двух языков в билингвальном лексиконе осуществляется по разным основаниям. Во-первых, языки могут взаимодействовать на основе установления семантического тождества между двумя отдельными единицами. Языковые системы при этом сохраняют свою относительную независимость в сознании говорящего, что проявляется в попеременном использовании того или другого языка в зависимости от условий коммуникативной ситуации. Во-вторых, взаимодействие языков может осуществляться на основе формирования смешанного (двуязычного) ассоциативного окружения слов. Границы языковых систем при этом «размываются», становятся проницаемыми, в результате чего происходит своеобразное смешение двух языковых систем, которое может проявляться в использовании единиц сразу двух языков в рамках единой коммуникативной ситуации.

Все это свидетельствует о том, что становление профессиональной лингвистической компетенции по отношению к двум естественно освоенным языкам, усиливая функциональную активность коми-пермяцкого языка, изменяет соотношение русского и коми-пермяцкого языков в ментальном лексиконе студентов-билингвов.

Примечание

¹ Исследование выполнено при поддержке грантов РГНФ, проекты № 15-14-59002 «Влияние коми-пермяцко-русского двуязычия на усво-

ение иностранного языка» и № 15-04-00320 «Когнитивное моделирование профессионального компонента ментального лексикона».

Список литературы

Ахмадуллина Ф.Ю. Формирование методической компетенции будущего учителя – словесника // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2007. Т. 1(8). С. 97–120.

Балыхина Т.М. Структура и содержание профессиональной компетенции филолога: методологические проблемы обучения русскому языку: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 17 с.

Витошко М.И. Методика формирования профессиональной филологической компетенции студентов вузов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тольятти, 2007. 17 с.

Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1973. С. 349–372.

Доценко Т.И., Лещенко Ю.Е., Остапенко Т.С. Межъязыковые связи в ментальном лексиконе естественных билингвов – носителей коми-пермяцкого и русского языков // Наука и бизнес: пути развития. 2013. № 4(22). С. 106–110.

Доценко Т.И., Лещенко Ю.Е., Остапенко Т.С. Функциональная активность языков при формирующемся комбинированном билингвизме // Коми-пермяцкий язык и культура: прошлое, настоящее, будущее: тр. ин-та языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. 2015. Вып. 12. С. 108–115.

Иванова Л.Ф. Профессиональная компетентность учителя иностранного языка: интегративный подход // Интеграция образования. 2003. № 3. С. 90–97.

Илюхина Н.А., Голубков С.А. Формирование профессиональной компетенции студентов – филологов // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 5(96). С. 21–26.

Ломакина О.Е. Формирование профессиональной компетенции будущего учителя иностранных языков: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1998. 17 с.

Овчинникова И.Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 63 с.

Равен Дж. Компетентность в современном обществе. М.: Когито-центр, 2002. 396 с.

Ромашина С.Я. Дидактические основы формирования культуры коммуникативного воздействия педагога. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-т, 2002. 204 с.

Сокольницкая Т.Н. К вопросу о методической компетенции учителя русского языка // Человек и образование. 2012. Т. 2(31). С. 162–165.

Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.permstat.gks.ru> (дата обращения 15.09.2016).

Тимохина Е.В. Методика формирования профессионально-коммуникативной компетенции будущего учителя иностранного языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2015. 18 с.

Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002. 272 с.

THE INFLUENCE OF PROFESSIONAL BILINGUAL COMPETENCE ON LANGUAGE INTERACTION IN MENTAL LEXICON OF PHILOLOGY STUDENTS

Tamara I. Dotsenko

Assistant Professor, General Linguistics Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

Yuliya E. Leshchenko

Assistant Professor, Foreign Languages Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

In the paper the problem of the influence of professional bilingual competence on language interaction in mental lexicon is considered. The research was carried out on the material of adult bilingual speakers who receive professional linguistic education at the Komi-Permyak department of the philological faculty according to the “teacher of the Komi-Permyak and Russian languages” specialty. The research results demonstrate that in the course of professional linguistic competence formation certain changes occur in bilingual mental lexicon. These changes concern the interrelation of the Russian and Komi-Permyak languages, as well as the degree of their functional activity.

Key words: professional competence; native bilingualism; Komi-Permyak language; language interaction.